

ленные, друг для друга внешние, пребывающие в многообразии и лишенные органического, всепроникающего единства. Понять многообразие – значит найти в нем такое всеобщее и живое единство, которое проникало бы его так, что все неподвижные особенности, части его превратились бы в текущие члены единого, всеобщего и живого организма; а следовательно, для того, чтоб понять многообразие законов или мыслей, должно найти в нем такое всеобщее и единое начало, которое бы имело во всех особенных законах или мыслях свои органические, необходимо из него вытекающие члены и которое, будучи их единственным началом и источником, было бы вместе и их единственным концом, их единственной целью. Каким же образом найти это всеобщее и единое начало? Внешний мир не может дать его сознанию, потому что он дает ему только ничтожное многообразие чувственных единичных предметов, так что сознанию необходима уже *собственная деятельность отвлечения и вникания* для того, чтоб возвыситься до существенного многообразия законов; теперь же, отыскивая всеобщего и единого начала в многообразии законов или мыслей, оно еще скорее должно обратиться к самому себе как к единственному источнику этих мыслей. Многообразие законов есть многообразие его собственных мыслей, *его собственной единой и нераздельной понимающей деятельности*. Понимающий рассудок есть источник этих мыслей; он сам обособляется (*besondert sich*), реализуется в них. По себе (*an sich*), в возможности они уже находятся в живом, необходимом единстве между собою, потому что они имеют единым и всеобщим источником и основанием нераздельное единство понимающего рассудка. Рассудок есть *отвлеченное всеобщее*, имеющее свою реальность, свое действительное существование в *конкретном* многообразии особенных, из него вытекающих мыслей. Если б он остался при своей отвлеченной и единой всеобщности и не осуществлялся бы в многообразии особенных мыслей, то он не был бы действительностью, но только возможностью понимания; вследствие этого он должен выйти из своей отвлеченной всеобщности и осуществиться в особенных мыслях; но его отвлеченность и односторонность состоят именно в том, что, *различив и раздвоив* себя на *всеобщее* и на *особенное*, он остается при этом *различии* или раздвоении и не умеет восстановить в нем своего *единства*, так что особенные мысли в действительном пребывании своем являются как внешние и равнодушные друг к другу и как независимые от своего всеобщего и единого начала. Они приводятся рассудком во *внешнюю систему* и как особенные *субсуммируются* под всеобщее; а это составляет предмет обыкновенной *формальной логики*; но такая внешняя система не есть действительная, необходимая система, вытекающая из натуры самого предмета, но внешнее и произвольное деление познающего субъекта, а потому и не может удовлетворить познающего сознания, которое, ставши *самосознанием*, обращается к самому себе для разрешения этого последнего противоречия.

Как *сознание* оно еще искало истины в *другом*, для него внешнем, но в постепенности своего развития оно испытало *улетучивание* всякой чувственной и непосредственной единичности и всеобщности в сверхчувственном и неизменяемом мире вечных законов как в *единственной истине и действительности всего сущего*. Наконец, оказалось, что, сознавая многообразие законов, оно сознает многообразие своих собственных мыслей, – и сознание перешло в *самосознание*.

Сознание как предшествующая степень уже предполагает *самосознание*, но как подчиненный момент, как неистинное в противоположность внешнему познаваемому предмету как истинному, а именно сознание как знание *другого*, невозможно без различения себя от другого, а следовательно, и без знания себя, без самосознания; но мы видели, что сознание знает себя как неистинное и как должностное соотноситься с истиною внешнего предмета; одним словом, истина для сознания не само познающее субъективное *я*, но противоположный ему *объект*, внешний предмет. Теперь же отношение это совершенно изменилось. Сознание собственным диалектическим движением своим дошло до сознания *ничтожества* внешнего мира явлений и до сознания, что противоположные ему бесконечность и всеобщность внутреннего мира, заключающего в себе существенное многообразие *особенных всеобщностей* или законов, есть единственная истина. Но бесконечность и всеобщность внутреннего мира есть не что иное, как *отвлеченная мысль*, бесконечная всеобщность самого сознающего рассудка, всеобщность, произведенная деятельностью его *собственного отвлечения* от изменчивости и от ничтожного многообразия внешнего мира явлений; и потому, говоря о непроницаемости внутреннего мира эмпирики и теоретики, никогда не возвышающиеся над степенью отвлекающего и вникающего рассудка, сами не знают, что и о чем они говорят. Они говорят о внутреннем мире как о чем-то имеющем самостоятельное существование, независимое от внешности, и заключающем в себе конкретное содержание, недоступное для нас, потому что, не имея внешнего проявления, оно закрыто